

Глава 5. Старые истории

Когда Сюй Ань исполнилось семь лет, отец отправил его учиться медицине к знакомому лекарю Лю Жу.

Лишь под конец каждого года ему удавалось возвращаться в Тяньшуй и ненадолго воссоединяться с родными. Каникулы длились больше половины месяца, но дорога туда и обратно занимала десять с лишним дней, так что побыть с семьёй он мог от силы три-пять дней.

Тогда Сюй Ань был ещё маленьким и очень скучал по дому. Он мечтал поскорее закончить учёбу и вернуться на родину, поэтому изучал медицину с особым усердием. Утром он вставал, когда петухи ещё не успевали пропеть, терпя пронизывающий холод, а ночью, когда привязанные у мясной лавки собаки уже засыпали, всё ещё сидел при свете масляной лампы.

В одиннадцать лет он уже заметно продвинулся в учёбе.

Сюй Ань загибал пальцы, подсчитывая: вот закончит пять лет обучения, исполнится двенадцать — и, быть может, тогда уже сможет получить удостоверение лекаря и вернуться домой. Тогда они с отцом будут вместе лечить больных, накопят денег и откроют небольшую лечебницу, чтобы мать могла жить в достатке.

Но, как ни думал он о будущем, ещё до того, как ему исполнилось двенадцать, ему пришлось вернуться домой.

Только возвращение это оказалось совсем не тем радостным воссоединением, о котором он мечтал.

В тот год Сюй Ань получил в префектурном городе письмо от семьи. В нём говорилось, что отец уехал из Тяньшуя.

Сначала от него ещё приходили какие-то известия. Потом пришло последнее письмо: отец писал, что решил вновь стать бродячим лекарем, и просил мать больше не беспокоиться о нём.

После этого никаких вестей больше не было.

Мать плакала дома так много, что едва не ослепла, а здоровье её сильно пошатнулось. В письме просили Сюй Аня, если будет возможность, вернуться и навестить её.

Получив эту весть, Сюй Ань поспешно собрал вещи и вернулся домой, чтобы побыть рядом с матерью.

Но за всё время, что он провёл на родине, известий от отца так и не было. Одно письмо за другим уходило в неизвестность, словно камни, брошенные в море.

Поначалу мать только плакала, но потом пристрастилась к вину. Часто она одна напивалась в доме до беспамятства, заваливалась на кровать и начинала ругаться.

Она бранила отца Сюй Аня, называла его бессердечным, бесстыжим негодяем.

Она ненавидела мужа, а в пьяном виде, глядя на пришедшего ухаживать за ней Сюй Аня и замечая, как сильно его черты стали походить на отцовские, заодно обрушивала свою злость и

на него.

Какие только жестокие слова не слетали с её уст. Голос у неё был пронзительным и резким, она не давала соседям спать. Посреди ночи люди приходили и яростно стучали в ворота дома Сюй, так что грохот слышала добрая половина улицы.

Через полгода пьяная мать оступилась и упала в реку за пределами городка. Больше она не проснулась.

После похорон Сюй Ань долго ходил по дому словно потерявший душу. Когда закончился год траура, а от отца по-прежнему не было ни единой вести, он наконец принял решение запереть дом и снова вернуться в префектурный город.

Заржавевший железный замок поддался ключу. Сюй Ань толкнул деревянную дверь, не открывавшуюся семь-восемь лет, и та протяжно заскрипела — от этого скрежета сводило зубы.

Вместе с открывшейся дверью из щели обвалился целый ком густой паутины и пыли. Он упал на пол, и тут же наружу выскочило несколько маленьких жучков, стремительно разбежавшихся в разные стороны.

В лунном свете трудно было толком разглядеть, насколько всё вокруг пришло в запустение. В лицо ударила лишь влажная, затхлая мгла.

«Твой отец был настоящим скотом! Я когда-то отказалась от прекрасного брака, бросила человека, с которым выросла и была близка с детства, порвала отношения с родными и вышла за него — а он вот так взял и бросил меня, сбежал!»

«Пусть сдохнет без доброй смерти! Даже если я закрою глаза и уйду в загробный мир, всё равно не позволю ему жить спокойно!»

«Ты такой же, как этот мерзкий червь! Неблагодарный белоглазый волк! Уходи! Все уходите отсюда!»

Сюй Ань стоял посреди двора, и те надрывные крики и проклятия проникали ему в уши, словно запах сырой плесени пробирался в ноздри.

Грудь его тяжело вздымалась. Он думал, что за столько лет давно забыл всё неприятное, но стоило вновь войти в этот дом — и крики матери, её проклятия вдруг стали такими же отчётливыми, как прежде.

Сюй Аню едва хватало воздуха. В груди стояла тяжёлая духота, как перед летней грозой.

Чтобы убежать от этой боли, он уехал в префектурный город, решив запечатать всё случившееся где-то глубоко в памяти.

Кто бы мог подумать, что судьба однажды загонит его в угол и ему снова придётся вернуться сюда.

Горечь в его сердце пронизывала все его существо. Он не мог выразить её словами и даже не знал, кому мог бы о ней рассказать.

Усталость после долгой дороги быстро отступила перед клубком чувств, терзавших его душу.

Сюй Ань понимал, что с таким количеством мыслей не уснёт. Он не осмелился просто лечь и

позволить себе предаваться беспорядочным размышлениям, поэтому достал из сундука тлеющую трубку, собрал несколько сломанных табуретов и плетёных корзин, развёл костёр, зажёл две масляные лампы и принялся приводить старый дом в порядок.

На горизонте начало светать.

Пусть маленький городок и не мог сравниться по оживлённости с уездным или префектурным городом, люди здесь были трудолюбивыми. В этот час из переулков и с улиц уже один за другим доносились кашель и треск колющегося дерева.

Работали ли люди на стороне или держали собственные маленькие лавки, в холод и жару простой люд вставал рано.

Когда рассвело и с мира словно спала сероватая дымка, снаружи уже слышались шаги прохожих, а с улицы донеслись зазывные крики торговцев утренней едой.

К этому времени Сюй Ань уже так устал, что едва мог разогнуться.

Он снял с головы и лица ткань, которой закрывался от пыли, кое-как вытер пот — и ладони, и тыльные стороны рук были покрыты серой грязью.

Стоило встряхнуть ткань, как вниз посыпалась пыль.

За одну ночь он успел убрать с крыши и стен всю паутину, снять осыпавшиеся черепицы и битые кирпичи. В нескольких комнатах толстым слоем скопились гниль, песок и пыль. Он всё вымел в одну кучу и хотел выгрести её лопатой, но все лопаты в доме проржавели настолько, что при каждом прикосновении с них осыпалась ржавчина, и пользоваться ими было уже невозможно.

Оставалось дожидаться, пока сегодня откроются лавки, и купить необходимые инструменты.

Но на этом Сюй Ань не остановился. Он перешёл во двор и вырвал разросшиеся сорняки — ночью они прекрасно разгорелись в костре.

Вся одежда на Сюй Ане неприятно липла к телу. Он собирался сначала сходить в лавку всякой мелочи, купить пару вёдер и таз, принести воды из уличного колодца, умыться и привести себя в порядок. А работы впереди оставалось ещё немало.

Старый дом пришёл в полное запустение, крышу требовалось чинить. Большая часть прежней мебели и утвари сгнила или сломалась. Даже если экономить, всё равно нужны самые простые кастрюли, миски, ложки, стол, стулья, табуреты и вёдра.

Земляная печь давно не использовалась, часть крыши над ней обвалилась, сама печь тоже разрушилась. Всё это предстояло восстановить и заново купить.

Как раз когда Сюй Ань прикидывал, хватит ли его денег хотя бы на несколько самых необходимых вещей, слышались лёгкие шаги.

— Мальчик мой, ты и правда вернулся!

Сюй Ань обернулся и увидел, как из-за ворот во двор заглянула чья-то голова. На лице женщины смешались удивление и радость.

— Ай, да это же я! Твоя тётушка Сяо! Неужели не помнишь свою тетушку Сяо?

Сюй Ань посмотрел на круглолицую женщину с большими глазами и, как только разглядел её, сразу узнал.

Он похлопал себя по одежде, стряхивая пыль, и пошёл навстречу:

— Как же я могу вас не помнить? Тётушка Сяо, а вы как здесь оказались?

Эту женщину звали Сяо Сюэмэй. Раньше семья Сюй часто общалась с ней, а с матерью Сюй Аня, Цуй Саньнян, они были особенно близки.

Сяо Сюэмэй вошла во двор, окинула взглядом дом и двор, а затем посмотрела на Сюй Аня.

Ну и вырос парень! В детстве уже был хорош собой, весь в отца, а теперь, повзрослев, стал ещё виднее.

Высокий, плечистый, с узкой талией — не толстый и не худой, сложен пропорционально и держится прямо.

Пусть сейчас он весь был в пыли, а под глазами залегли тёмные круги, лицо всё равно оставалось красивым.

Сяо Сюэмэй зарабатывала на жизнь тем, что сватала людей, получая за это немного денег в благодарность. Поэтому, увидев человека, она прежде всего невольно оценивала, подходит ли он для брака и можно ли свести его с кем-нибудь.

Сюй Аня она не видела почти десять лет, и, едва взглянув на его нынешнюю внешность и статью, сразу осталась весьма довольна.

— И правда вырос настоящим большим парнем! Если бы я не увидела тебя сейчас дома, а просто встретила на улице, ты шёл бы мне навстречу — я бы ещё не факт что узнала тебя.

Сяо Сюэмэй продолжила:

— Ты ведь вчера вернулся? В этом старом доме столько лет никто не жил. Как тут не привести всё в порядок, прежде чем поселиться? И почему не пошёл к тётушке Сяо? Ну и глупый же ты.

Сюй Ань почувствовал тепло от того, что старые друзья семьи по-прежнему относились к нему с такой искренностью, и с улыбкой ответил:

— Вчера я добрался до городка уже после полуночи. Было поздно беспокоить вас, тётушка Сяо. Я как раз собирался сначала привести дом в порядок, а потом зайти к вам.

— Как же это может быть беспокойством? Ты ведь с детства бегал к нам как к себе домой. Идём, идём. Пойдём к тётушке Сяо, позавтракаешь. У тебя здесь ещё столько всего нужно сделать. Небось вчера всю ночь провозился, глаз не сомкнул. Нет ничего хлопотнее, чем приводить в порядок старый дом. Одними двумя руками тебе ещё неизвестно когда управиться. Позже позову твоих старшую сестру и второго брата, пусть тоже придут помочь.

Сюй Ань вовсе не собирался сейчас идти в дом Сяо Сюэмэй, но она была так настойчива, что он подумал: заодно можно хотя бы умыться.

Он немного привёл в порядок сундуки и отправился вместе с ней.

Дом Сяо Сюэмэй находился совсем недалеко — от дома Сюй его отделяли всего один переулок и одна улица.

Её муж носил фамилию Хэ и когда-то был известным на многие десятки ли* мастером фэншуй. Только прожил он недолго. Когда в семье Сюй случилась беда, господин Хэ уже тяжело заболел и вскоре умер.

[*Ли (里, lǐ) — традиционная китайская мера длины, которая исторически имела разную длину, но в настоящее время в КНР стандартизирована как 500 метров.]

Сяо Сюэмэй одна растила троих детей и всё это время больше не выходила замуж.

— Мама, зачем ты опять с самого утра куда-то ушла?! Хоть бы сказала. Завтрак уже готов, а я даже не знаю, где тебя искать. Так однажды потеряешься — и я тебя искать не пойду...

Эр-гэр* вынес таз и плеснул воду после мытья овощей в канаву.

[*Эр-гэр (二爷, èrgē) — обращение ко второму по старшинству ребёнку в семье, который по своей биологической принадлежности является гэрём 爷. В данном случае — «второй сын-гэр»; это семейное обращение, а не личное имя.]

У этого гэра были чётко очерченные кончики бровей, ясные и внимательные глаза, чуть квадратный подбородок и тонкие губы. Даже когда он молчал, уголки рта слегка опускались, и с первого взгляда становилось понятно: человек он непростой.

Увидев мать, вошедшую во двор через заднюю дверь, он тут же начал ворчать, что она с самого утра опять убежала из дома.

Но договорить не успел: заметил молодого незнакомого мужчину, вошедшего вместе с матерью.

С недоумением посмотрев на него, он ещё не успел спросить, кто это, как Сяо Сюэмэй радостно сказала:

— Эр-гэр, это же твой брат Сяо Ань. Помнишь его?

Сюй Ань с мягкой улыбкой вежливо поздоровался с Эр-гэром.

Тот нахмурился:

— Это тот самый брат Сяо Ань из семьи Сюй, который уехал в префектурный город учиться медицине?

— А какой ещё брат Сяо Ань бывает?

Эр-гэр ещё раз оглядел Сюй Аня. Тот выглядел спокойным, достойным и мягким, обладал приятной внешностью и совсем не походил на тех подозрительных и хитрых мужчин, которых порой можно встретить снаружи.

Он принёс табурет и пригласил Сюй Аня сесть.

Услышав снаружи голос незнакомца, спустя некоторое время из дома вышла ещё одна молодая

девушка.

Изогнутые брови, миндалевидные глаза, круглое лицо — каждое её движение было мягким и спокойным.

Сюй Ань с первого взгляда узнал в ней Да-цзеэр*. Ранее он увидел Эр-гэра, а эта девушка была необычайно похожа на Сяо Сюэмэй в молодости — конечно, это и была Да-цзе.

[*Да-цзеэр/Да-цзе (达姐, dàjiě) — традиционное китайское уважительное и ласковое обращение к старшей дочери в семье или к старшей сестре; это обращение, а не личное имя.]

Он вежливо поприветствовал её. Услышав, кто пришёл, Да-цзеэр мягко улыбнулась и тоже назвала его брат Сяо Ань.

Да-цзеэр была старше Эр-гэра, но младше Сюй Аня на год. В семье Хэ все дети были девочками и гэрами.

За годы, что они не виделись, трое детей уже выросли — стали совсем взрослыми. Внешность их сильно изменилась, и, как сказала Сяо Сюэмэй, случайно встретив кого-нибудь из них на улице, без представления и впрямь можно было не узнать.

В детстве они часто играли вместе по праздникам и были очень близки. После более чем десяти лет без общения и теперь, когда все выросли, между ними появилась некоторая отчуждённость. Но воспоминания о детстве всё ещё дарили чувство близости.

Сюй Ань умыл лицо и руки горячей водой, которую принесла Да-цзеэр, и вспомнил, что в семье Хэ есть ещё один ребёнок — маленький гэр, которого господин Хэ ещё при жизни взял в дом и воспитывал вместе с Сяо Сюэмэй.

Теперь он увидел старшую и второго, но третьего нигде не было, поэтому Сюй Ань спросил:

— А где третий брат? Он сейчас хорошо живёт?

Сюй Ань помнил его ещё маленьким: крошечный, беленький, с мягким и послушным голоском. Он совсем не был таким шумным, как Эр-гэр, и часто ходил за Сюй Анем, называя его «старшим братом». Такой милый ребёнок — Сюй Ань не раз брал его за руку и водил к началу улицы покупать сладкие лепёшки.

Сяо Сюэмэй тем временем поставила на стол соленья и кашу. Сегодня Сюй Ань пришёл неожиданно, поэтому времени замесить тесто и приготовить целую корзину мясных маньтоу* не было. Она достала из запертого в доме шкафа банку куриного мяса с ароматными баклажанами, маринованными в масле, набрала немного ложкой и поставила к каше как добавку.

[*Маньтоу (馒头, Mántou) — это традиционные китайские паровые булочки, приготовленные из дрожжевого теста и популярные в Северном Китае. Они имеют мягкую, пышную текстуру и нейтральный, пресный вкус, напоминая белый хлеб без корочки.]

— Сань-гэра* дома нет. Он нашёл работу в поместье Линь за пределами городка, возле деревни Сяо. Днём большую часть времени проводит там. Если выдаётся свободное время или случается что-нибудь важное, тогда возвращается домой.

[*Сань-гэр (□□□, sāngēr) — обращение к третьему по старшинству ребёнку в семье, который по своей биологической принадлежности является гэром □□.]

— Я много лет не видел третьего брата. Интересно, сильно ли он изменился?

Эр-гэр вставил:

— Сильнее всех изменился именно третий брат. Даже если он сейчас будет дома и ты увидишь его, но никто не скажет, кто это, наверняка не узнаешь.

Сюй Ань тихо рассмеялся:

— Настолько сильно изменился? Тогда, когда вернётся, мне обязательно нужно с ним увидеться. А то ещё встречу его на улице и не узнаю — вот будет смешная история.

Все рассмеялись.

Сяо Сюэмэй позвала всех к столу, и во время еды стала расспрашивать Сюй Аню обо всём подряд: как он жил все эти годы, как ему было в префектурном городе, что теперь собирается делать после возвращения.

Сюй Ань ничего не скрывал и на всё отвечал ей:

— Я больше десяти лет учился медицине, столько же времени прожил вдали от дома. Теперь наконец закончил обучение и дальше собираюсь обосноваться в городке и заниматься врачеванием.

Да-цзеэр увидела, что миска Сюй Аню опустела, и, опасаясь, что он постесняется попросить добавки, сама наполнила её снова.

Эр-гэр внимательно слушал рассказы Сюй Аню о префектурном городе. В его глазах читалось немалое восхищение. Услышав, что Сюй Ань, закончив учёбу, вернулся на родину заниматься врачеванием, он тут же сказал:

— Раз уж ты привык к жизни в префектурном городе, зачем возвращаться? Городок у нас совсем маленький. Разве он может сравниться с префектурным городом, где и жизнь кипит, и возможностей больше?

Сюй Ань встал и поблагодарил старшую сестру за полную миску каши. Сев обратно, он ответил второму брату:

— В префектурном городе действительно хорошо: всё удобно, да и жизнь оживлённая. Только людей там много, и конкуренция во всех ремёслах сильная. Моё искусство пока уступает другим, вот я и решил вернуться домой. Может, здесь мне будет легче зарабатывать на жизнь.

Он говорил совершенно искренне. Ему не хотелось хвастаться своими медицинскими навыками, но и о делах семьи Лю он рассказывать не собирался.

Услышав это, Эр-гэр решил, что Сюй Ань просто не смог закрепиться в префектурном городе и потому вынужден вернуться на родину как неспособный мужчина.

Таких мужчин в городке тоже хватало. Обычные люди, ничего особенного. Удивляться тут было нечему, хотя за такую честность он всё же проникся к Сюй Аню некоторым уважением.

Сяо Сюэмэй положила Сюй Аню в миску немного куриного мяса с баклажанами, маринованными в масле, и сказала:

— Не слушай второго брата. Пусть префектурный город хоть в десять раз процветающим будет — разве он лучше родного дома? Недаром говорят: золотое гнездо и серебряное гнездо не сравнятся с собственной собачьей конурой. То что ты вернулся — это хорошо! Наш городок заметно разросся, людей стало больше, а действительно толковых лекарей здесь от силы два. У тебя есть ремесло, вернёшься домой и будешь зарабатывать на жизнь — тебе здесь будет куда проще, чем в префектурном городе.

<http://bllate.org/book/21538/2298453>